

С тех пор как Фу Гэ переехал в поместье, учёбы у него стало в разы больше.

Каждый день — лекции, рисование, выезды на пленэр, и даже этого недостаточно: по выходным ему приходилось ходить на дополнительные занятия у старого мастера Ци, чтобы не отставать от остальных.

Ци Хань, напротив, благодаря помощи Чэнь Сина, оказался в куда более привилегированном положении — обязанности, которые раньше давили на него тяжёлым грузом, теперь были распределены, и он наконец смог расслабиться. Вот и занялся организацией новоселья.

Гостей было немного — ни у него, ни у Фу Гэ никогда не водилось толпы друзей, а с родственными связями и вовсе было негусто. За круглым столом собрались лишь мастер Ци с семьёй, Чэнь Син, сам Фу Гэ и Ци Хань — едва хватило, чтобы не оставлять пустых мест.

Старик, как обычно, глядел на Ци Ханя с нескрываемым неодобрением, покачал головой, отпил чай и тяжело вздохнул:

— Семья-то неполная. Как думаешь, надолго ли вас хватит?

Ци Хань ещё не успел раскрыть рот, как Чэнь Син с готовностью перехватил инициативу:

— Да ладно, старший, тут и так всё прекрасно. Если бы не вы, у Ханя вообще ни на красное, ни на чёрное не нашлось бы никого.

За годы, проведённые рядом, он стал Ци Ханю и правой рукой, и глазами, и голосом, а потому понимал, когда и как надо подать реплику. Это сейчас не было праздным замечанием — он намеренно сыграл на жалости, выставив Ци Ханя в максимально мрачном свете: одинокий, никому не нужный, никем не любимый. Кроме них.

И старый мастер, разумеется, тут же проникся.

Мгновение он молчал, словно обдумывая что-то, потом негромко вздохнул, провёл костяшками пальцев по массивному набалдашнику трости, а затем кивнул в сторону входа:

— Эй, там. Поставьте у дверей две кадки с золотыми мандаринами.

“Там” не ответило, потому что “там” не существовало.

Фу Гэ, усмехнувшись, прищурился и со всем своим нарочитым лукавством уточнил:

— Эй — это кто?

Потом сделал невинное лицо, огляделся и добавил:

— Да и мандаринов у нас нет. Только розы да лаванда.

Старик фыркнул, раздражённо цокнул языком и недовольно пробормотал:

— Опять ты. Тогда пусть твой дружок сбегает ко мне и принесёт. Подарю вам для защиты дома.

Ци Хань, едва сдерживая усмешку, тут же кивнул:

— Понял, дедушка. Днем разберусь.

В такие моменты ему казалось, что проще не бывает — вот она, настоящая жизнь. Не искусственная, не натянутая, не порезанная чужими руками и не склеенная потом по кускам. Настоящая. Такая, какой она и должна быть.

Он не смог удержаться от улыбки.

А потом, на волне хорошего настроения, пошёл на кухню и собственными руками приготовил ужин.

Фу Гэ, сияя от счастья, прыгал вокруг него, следя за кастрюлями, вытирая со стола капли воды, ловко переворачивая овощи на сковороде.

Первое признание от бабушки — пусть и с таким скрипом — сделало его едва ли не самым радостным человеком на планете. Он носился по кухне в фартуке, лёгкий, как пушинка, и такой же счастливый, как ребёнок, которому подарили долгожданную игрушку.

Ци Хань, наблюдая за ним, исподволь прикусил язык.

Белые запястья, испачканные в каплях воды, ключицы, едва заметно выглядывающие из-под ворота свитера, светлая линия талии, мелькнувшая, когда он наклонился за полотенцем...

Взгляд потяжелел, мысли внезапно свернули в не туда, язык скользнул по острому краю зуба, и голос стал ниже:

— Гэ...

Фу Гэ повернул голову.

Каштановые волосы качнулись, блеснув в лучах вечернего солнца, а кожа засияла в полутьме кухни мягким, почти полупрозрачным светом.

— А?

Ци Хань сглотнул, отступил к двери, медленно вытянул руку назад, и с лёгким щелчком провернул замок.

— Кухня закрыта.

Фу Гэ вздрогнул, от затылка до плеч растеклось знакомое тепло, дыхание сбилось, и уши мгновенно запылали.

Вот же псих.

Устроил из кухни логово, как будто днём делать больше нечего!

Он опустил глаза, открыл было рот, но слова увязли в горле, и в итоге из губ сорвалось лишь слабое:

— Твой дедушка там...

— Вышел. — Голос Ци Ханя звучал лениво и нарочито буднично. — Чэнь Син утащил их в погреб, выбирать вино. Вернутся минут через двадцать.

Фу Гэ медленно положил клубнику на стол, беспомощно посмотрел на него и несмело пробормотал:

— А...

Этот короткий звук, мягкий, вкрадчивый, едва слышный, пробежал по нервам тонкой вспышкой.

Никакого сопротивления. Только смущение, растерянность, лёгкое предвкушение, прячущаяся в уголках глаз улыбка.

Ци Хань поймал этот взгляд, провёл по открытому участку кожи внимательным взглядом, подался вперёд...

Стыдно? Уже догадался, что я собираюсь сделать?

Маленький бета опустил голову, упрямо буркнул:

— Ну уж точно ничего хорошего...

Ци Хань усмехнулся, снисходительно, лениво, словно заранее наслаждаясь тем, что будет дальше. Взял несколько влажных клубник и поднёс к его губам, не давая ни секунды передышки — одна, вторая, третья...

Фу Гэ не успевал жевать, не успевал даже возразить — приходилось просто держать их во рту, покорно принимать каждую следующую ягоду. Когда во рту уже скопилось пять маленьких, он моргнул, медленно прикусил губу, собираясь, наконец, разжевать их, но услышал негромкий приказ:

— Не смей кусать.

Фу Гэ замер, пробормотал с полным ртом:

— Мм?.. А есть можно?

— Конечно. Я помогу.

В следующий миг пальцы Ци Ханя — указательный и средний — легко, почти невесомо легли на его язык.

— Если не выдержишь — кусай меня.

Времени было мало, место неподходящее — толком и не развернуться.

Но главная причина была даже не в этом.

Ци Хань не мог позволить себе зайти слишком далеко.

Фу Гэ только в моменты помутнённого рассудка мог тянуться к боли, только в особенные минуты позволял себе полностью забыться. Всё остальное время он был застенчивым, сбитым с толку, тонко чувствующим каждую эмоцию, беззащитно распахнутым навстречу ощущению. И стоило немного перегнуть — тут же начинал стыдливо запинаться, жалобно шептать, тянуться руками, прячась от слишком откровенных взглядов.

Не успели они толком ничего, а он уже начал стонать, подрагивать, дёргать плечами, жалобно моргать влажными, как у котёнка, глазами. Звуки, которые срывались с его губ, были тихими, наполненными чем-то невесомым, доверчивым, произвольным, похожими на сонные

кошачьи мяуканья.

Ци Ханя аж перекосило.

От этого взгляда, от этих глаз, от заплаканного лица, от того, как кончики ушей покраснели до состояния спелого граната.

Всё — дальше нельзя.

Он быстро, почти судорожно притянул его к себе, провёл ладонью по спине, шёпотом успокаивая, смахнул большим пальцем последние влажные следы с уголков глаз.

Размякшие, покусанные ягоды, что так и не дождались своего часа, отправились в мусорку.

Фу Гэ, тяжело дыша, держался за его руку, пил воду, обхватывая пальцы обеими ладонями, потом внезапно замер, покраснел ещё сильнее и отказался продолжать.

Тупо уткнулся лицом в его плечо, горячий, сердитый, сбитый с толку, и резко, без предупреждения, прикусил кожу.

Без особой силы, конечно, но всё равно.

— Извращенец... — выдохнул он, губами шевелясь у него на шее. — Грязный ублюдок... Где ты вообще такого насмотрелся...

На последнем слове запнулся, не зная, как продолжить, и Ци Хань не удержался — наклонился ближе, поцеловал его в висок и тихо усмехнулся:

— Думаешь, мне этому учиться надо? Я каждый день смотрю на тебя, и в голове только одно.

— Да замолчи ты!..

Маленький бета сжался, стгорая от стыда, как потрёпанная ветром птичка с растрёпанными перьями.

— Весна уже давно прошла... — пробормотал он, пряча лицо, — а ты всё никак не успокоишься...

Ци Хань тихо рассмеялся. Смешок, смешанный с прерывистым дыханием, тяжёлым, глубоким, заполнил это крошечное пространство липкой, почти осязаемой на коже атмосферой.

— Опять валишь всё на меня?

Он мягко поддержал ладонью его лицо, заглянул в приоткрытые губы, коснулся их лёгким, невесомым поцелуем.

— Маленькая принцесса, ты целую неделю не давал прикоснуться... правда совсем не скучал?

“Бах!” — что-то в голове Фу Гэ взорвалось, пылая мягким, подступающим к горлу жаром.

— Я... нет...

Он действительно был загружен до предела, с утра до ночи вращался как заведённый, всё время занято учёбой, а когда возвращался в комнату после пар, на часах было уже за полночь.

Ци Хань только и успевал, что перехватывать его в дверях, обнимать, целовать, гладить по волосам. Он не жаловался, не просил, даже не заговаривал об этом. Только сжимал его в объятиях, дожидаясь, пока тот сам расслабится.

Но всё равно...

Какой бы ни была выдержка альфы, его природа всё равно оставалась звериной.

Лёгкое беспокойство, напряжённость в движениях, неестественная сдержанность — Фу Гэ и не сразу заметил, но вот уже два дня Ци Хань был на грани. Ещё чуть-чуть — и начнётся новый виток его чувствительности.

И, вспомнив об этом, Фу Гэ внезапно почувствовал себя ужасно виноватым.

Он крепко прикусил губу, взгляд потеплел, а голос стал мягким, искренним, дрогнувшим:

— Прости, А Хань... я правда слишком был занят... совсем тебя забросил...

Ци Хань только усмехнулся, на секунду крепче прижимая его к себе.

— Всё в порядке, малыш, не нужно извиняться.

Его пальцы медленно, нежно скользнули по коже, лёгкое прикосновение, осторожное, сдержанное — как будто гладь карамельной оболочки, под которой бушует огненная лава.

— Завтра к обеду я закончу с делами... у тебя будет время?

Фу Гэ тут же закивал, быстро-быстро, как взволнованная птичка:

— Угу, угу!

Ци Хань на этот раз улыбнулся по-настоящему, тепло, с мягким удовлетворением. Наклонился, коснулся губами уголка его рта.

— Тогда будь хорошей, побудь со мной, ладно?

Фу Гэ кивнул, смущённо фыркнул и уткнулся носом в его плечо, тёплый, уютный, тянущийся к прикосновениям.

И только тогда заметил, насколько Ци Хань горячий.

Настолько горячий, что даже сквозь одежду чувствовалось — кожа буквально обжигает.

— Почему ты такой горячий?.. Ты что, заболел?

Он мгновенно встрепенулся, попытался схватить его за руку, вытащить из комнаты, намереваясь померить температуру, но Ци Хань мягко перехватил его запястье.

— Всё нормально. Я не заболел.

Он на мгновение замолчал, словно что-то обдумывая, потом резко, почти по-детски упрямо, утянул его обратно в объятия и, прижавшись губами к виску, тихо, медленно выдохнул:

— Просто... мне плохо... меня ломает...

Фу Гэ моргнул, пытаясь осмыслить услышанное:

— Перед чувственным периодом всегда так бывает?

— Если он не начинается внезапно, то да. Лёгкий жар — это нормально.

На секунду он замер, а потом чувство вины, и без того тяжёлое, словно налитое свинцом, рухнуло на него с удвоенной силой.

— Почему ты мне не сказал?

— Да не о чем тут говорить.

Ци Хань не привык жаловаться. Он никогда не выставлял свои раны напоказ, не любил слабость, не позволял себе выглядеть уязвимым. Он всегда был тем, кто защищает, кто берёт на себя чужие проблемы и разрешает их, не оставляя ни малейшего следа.

Но даже такая, казалось бы, негибкая, как стальная дробь, личность имела свои слабые места.

Перед сезоном чувствительности ему становилось нестерпимо жарко, кожа зудела, дыхание сбивалось, голова кружилась, сны раз за разом превращались в мучительные кошмары. Он паниковал при виде игл, а при введении ингибиторов терял сознание.

И, главное... Без Фу Гэ он не мог жить.

Бета почувствовал, как что-то внутри болезненно скрутилось, словно тупая боль пронзила сердце, и в этот момент он вспомнил слова Чэнь Сина: «Ци Хань всегда был сам по себе».

Этот человек... жил всю жизнь в одиночестве.

— Что такое?

Ци Хань тут же уловил перемену в его настроении, сбавил темп речи, приглушил голос, сделал его мягче.

— Со мной правда всё в порядке. Не переживай. Ты так выглядишь, будто я тебя обидел. Если выйдешь сейчас с таким лицом, дед решит, что я тебя гноблю.

Фу Гэ кивнул. Потом помотал головой. А потом молча шагнул вперёд, обвил руками его шею и, подняв голову, ровно и тихо проговорил:

— У нас есть ещё десять минут.

— Что?

— Десять минут, пока они не вернуться.

Глаза Ци Ханя резко сузились.

Ледяное самообладание, которое он держал из последних сил, рассыпалось, как пепел.

Человек, о котором он мечтал все эти ночи, которого хотел до боли в костях, сейчас смотрел на него снизу вверх, чуть дрожащими губами выговаривая:

— Я буду хорошим. Делай, что хочешь. Даже то, что... что было раньше.

Кухня была закрыта, окна плотно задёрнуты, но звукоизоляция оставляла желать лучшего.

Чэнь Син вёл гостей обратно через цветник, зелёные заросли густо окутывали тропинку, и голоса детей весело раздавались над полем.

Они были уже близко.

А Фу Гэ — в этот момент — был прижат к груди Ци Ханя, плотно, жёстко, не оставляя ни малейшего пространства между их телами.

Его тонкая талия уместалась в ладонях.

Ткань светлого домашнего свитера мягко облегла фигуру, подчёркивая изгибы, нежно прилегая к коже, чуть влажной от жара.

Тепло его ладони медленно, неотвратно просачивалось сквозь ткань, оставляя на коже раскалённые метки, словно клеймо. Пряный, тягучий запах колокольчика, впитавшийся в волокна одежды, неторопливо заполнял лёгкие, проникая глубже с каждым вздохом.

— Весь мой запах... —

Дыхание его сбивалось, губы жадно, жёстко терзали чужие, поцелуи были грубыми, беспорядочными, будто инстинкт, в котором нет места ни логике, ни сдержанности. Жажда обладания насыщалась, но руки, поймавшие вкус запретного, уже не умели останавливаться.

Фартук ослаб, шерстяная ткань поползла вверх, открывая подступающему холоду тонкую, незащитную кожу. И всё же Ци Хань, бесстыдно наблюдая за этим зрелищем, умудрялся притворно интересоваться:

— Холодно?

Фу Гэ не знал, к чему всё идёт, но едва держался на ногах — от жара или от дрожи, было уже не разобрать.

— Н-нет... всё нормально...

Холод обрушился внезапно, обжигая сильнее, чем огонь.

— А вот так?

Щёки мгновенно запылали, и Фу Гэ, вздрогнув, попытался увернуться, но лишь сильнее согнулся, жалобно всхлипывая, словно перепуганный птенец.

— Чего ты хочешь? — голос его дрогнул, затерялся в напряжённой тишине.

Ци Хань усмехнулся, глядя на него с ленивой насмешкой, и хлопнул по пояснице.

— Выпрямись.

— М-м... — Фу Гэ вздрогнул, словно песчинка в волнах, но послушно подчинился, поводя носом, будто маленький зверёк. В ту же секунду край свитера поднялся до самых губ.

Ци Хань жёстко сжал его талию, чуть сдавив кожу пальцами.

— Руки на плиту.

Фу Гэ обиженно поджал губы, но только открыл рот, как его подбородок тут же подцепили, заставляя смотреть вверх. Ци Хань, возвышаясь за спиной, хищно сощурился.

— А теперь скажи, кто я для тебя?

Фу Гэ вздрогнул, ресницы едва заметно затрепетали.

— Ты... ты мой котёнок...

<http://bllate.org/book/14453/1278379>